

Глава 9. Навещая больного

Приняв целебный отвар и съев несколько ложек пустой рисовой каши, Линь Лан забылся глубоким сном.

За вечерней трапезой Дайюй обеспокоенно спросила:

— Бабушка, а почему братец Лан до сих пор не пришёл?

Матриарх ласково похлопала внучку по руке:

— Твой брат после полудня попал под дождь и занемог — у него сильный жар. Я велела ему оставаться в постели и отдыхать.

Услышав о болезни Линь Лана, Дайюй не на шутку встревожилась:

— Как же он сейчас? — воскликнула она, порываясь встать из-за стола. — Бабушка, я не могу есть! Позволь мне сначала проведать его, а поужинаю я позже.

— Полно тебе, — успокаивающе произнесла старая госпожа. — Жар у него не такой уж сильный, к тому же его уже осмотрел лекарь. Должно быть, сейчас ему полегчало. Поешь сначала, не то брат станет беспокоиться о тебе.

Баоюй поспешил её утешить:

— Сестрица, послушай бабушку, поешь. О брате Лине есть кому позаботиться, у его постели дежурят слуги. А как покончим с ужином, мы вместе пойдём его навестить.

Сичунь, прослышав о недуге Линь Лана, тоже не осталась в стороне:

— Брат Линь заболел? Сестрица Дайюй, можно мне пойти с вами?

Дайюй, конечно, согласилась. Сердце её сжималось от тревоги: она прекрасно помнила, что у Лана, как и у неё самой, здоровье с малых лет было хрупким, и любая простуда могла обернуться долгой хворью.

Видя, что внучка совсем извелась, Матриарх мягко скомандовала:

— Ну же, глупая девочка, доедай скорей. Я сама провожу тебя к нему.

Раз уж старая госпожа приняла решение, Дайюй не оставалось ничего другого, кроме как наскоро покончить с трапезой, хотя кусок не лез ей в горло от мыслей о брате.

Коль скоро сама Матриарх вознамерилась навестить больного, прочим домочадцам негоже было оставаться в стороне. Госпожа Сюэ отлучилась по домашним делам, но велела Баочай присоединиться к остальным. Таким образом, почти все почтенные господа и барышни дома Цзя двинулись следом за старой госпожой.

В это время в покоях Линь Лана служанки только-только закончили ужинать, как вдруг за окнами замелькал свет многочисленных фонарей — к ним приближалась целая процессия. Хэцзя и её помощницы торопливо прибрали со стола посуду и поспешили во двор, чтобы почтительно встретить гостей у ворот.

Заметив, что все старшие служанки собрались снаружи, старая госпожа нахмурилась:

— Почему вы все здесь? Кто же остался подле молодого господина?

Хэцзя шагнула вперёд и, склонив голову, мягко ответила:

— Позвольте доложить старой госпоже. Когда наш молодой господин поживает, он не терпит постороннего присутствия в спальне, иначе сон его становится тревожным. Поэтому мы оставили дежурить у дверей Цуйгэ и Цуйин, а сами не смеем его беспокоить.

Матриарх согласно кивнула и жестом приказала следовать за ней.

Линь Лан же, приняв снадобье и проспав около двух часов, почувствовал некоторое облегчение. Тело его налилось приятным теплом, и, не желая больше лежать без дела, он зажёл свечу поярче и углубился в чтение. Поскольку в комнате горел свет, а сам он не издавал ни звука, служанки снаружи были уверены, что хозяин всё ещё видит сны.

Не дожидаясь доклада, старая госпожа уверенно перешагнула порог. Хэцзя и остальные девушки невольно нахмурились.

«Молодой господин только заснул после болезни, зачем же вести к нему столь шумную толпу? Какое пренебрежение правилами приличия!» — пронеслось в мыслях Хэцзя. Но преградить путь столь знатным гостям служанки, конечно, не посмели.

Услышав шорох шагов, Линь Лан поднял голову от книги. Полагая, что это вернулись служанки, он негромко позвал:

— Хэцзя? Принеси мне письменный прибор, бумагу и малый столик для постели.

Вместо служанки из-за ширмы донёлся ласковый смех Матриарха:

— Ишь какой прилежный! Сам едва с постели встаёт от лихорадки, а всё туда же — за книги!

Поняв, что пожаловали почтенные гости, Линь Лан поспешно откинул одеяло и поднялся. В его покоях спальная зона отделялась от гостиной искусно устроенной подвижной перегородкой. Повернув скрытый рычажок, он раздвинул створки и вышел навстречу вошедшим.

— Куда ты вскочил! — всплеснула руками старая госпожа. — Немедленно ложись обратно в постель, не ровен час просквозит, и болезнь воротится с новой силой!

Поклонившись, Линь Лан ответил с мягкой улыбкой:

— Зачем вы утруждали себя, бабушка? Я уже выпил отвар, знатно выспался и теперь чувствую себя совершенно здоровым.

Дайюй, не сдержав порыва, шагнула к брату и приложила прохладную ладонь к его лбу. Убедившись, что кожа сухая и прохладная, она облегчённо вздохнула:

— Слава Будде!

Линь Лан тихонько рассмеялся, поддразнивая её:

— Помнится, кто-то говорил, что не верит в милосердие богов?

Сестра шутливо пихнула его в плечо:

— Бездушный ты человек! Я извелась вся от страха за тебя, а ты надо мной же и потешаешься!

— Виноват, виноват, признаю свою оплошность, — примирительно поднял руки Лан. — Сжался над неразумным братом, сестрица!

Видя, что юноша бодр и весел, Матриарх окончательно успокоилась и беззлобно пожурела его:

— Вот уж точно, наказание ходячее! В такой ливень на улицу высунулся, всех переполошил.

Тем временем Хэцзя с помощницами бесшумно внесли стулья и кресла, устраивая гостей поудобнее, а Линь Лан послушно вернулся в постель, откинувшись на мягкие шелковые подушки.

— Я лишь хотел засвидетельствовать почтение своему наставнику, — оправдывался он. — Кто же знал, что небеса разверзнутся как раз на обратном пути. Немного промок, пустяки. Простите, что заставил вас волноваться, бабушка.

Таньчунь с любопытством спросила:

— Разве учитель брата Линя тоже сейчас в столице?

— Да, он недавно прибыл в столицу, оттого я и поспешил нанести ему визит.

— А кто же ваш почтенный наставник? — поинтересовалась крошка Сичунь.

— Мой учитель — достопочтенный Линъюнь-цзы, господин Лин.

Барышни удивлённо переглянулись:

— Линъюнь-цзы? Какое необычное имя...

Однако Сюэ Баочай, заметив возможность блеснуть осведомлённостью, поспешно перебила их с улыбкой:

— Полно вам, сестрицы! Имя господина Лина гремит по всей Поднебесной — это величайший муж науки нашего времени. Я слышала, в прошлом году его призвали в столицу, дабы он наставлял в науках самих принцев крови! Раз уж брату Линю посчастливилось стать его учеником, не пройдёт и пары лет, как он с лёгкостью сдаст государственные экзамены и удостоится высшего звания!

«Ну и хватка у этой девы Сюэ! — подумал про себя Линь Лан. — Без году неделя в доме, а уже зовёт меня братом. И как язык поворачивается так заискивать? Учитель вечно твердит, что у меня кожа на лице толще крепостной стены, да он просто не видел истинных мастеров!»

Скрыв иронию за вежливым поклоном, он скромно произнёс:

— Барышня Сюэ слишком добра ко мне. Учитель то и дело бранит меня за леность и недомыслие, оттого и запретил даже помышлять об экзаменах, пока мне не исполнится семнадцать. Так что покуда я всего лишь безвестный книжник без чина и звания.

Госпожа Ван, доселе безучастно сидевшая в стороне, при упоминании о том, что этот Линъюнь-цзы наставляет принцев, мгновенно оживилась. Она алчно прищурилась:

— Если этот господин столь велик и приближен к престолу, как же тебе, Лан-эр, удалось

заручиться его благосклонностью?

Матриарх, в чьей голове уже зрел замысел пристроить любимого Баоюя под крыло столь влиятельного мужа, не стала прерывать невестку, выжидательно глядя на Линь Лана.

Линь Лан мысленно вздохнул. Он так и знал, что упоминание имени наставника не принесёт ничего, кроме хлопот. Против воли он разворошил это осиное гнездо, увлёкшее за собой алчную госпожу Ван. Делать было нечего, пришлось отвечать издалека:

— Когда господин Лин ещё пребывал в Гусу, мой отец, обременённый соляными делами, не имел возможности лично обучать меня грамоте и обратился к нему с нижайшей просьбой. Поначалу учитель наотрез отказывался брать учеников, но, заметив в моих скромных рисунках крупницу таланта, смиростивился. Увы, я оказался несносным и нерадивым мальчишкой. Учитель столько натерпелся от моих проказ, что в сердцах поклялся более никогда в жизни не брать воспитанников.

«Уж теперь-то они поймут намёк и оставят расспросы», — подумал Лан. Но он недооценил беспардонность некоторых людей, чьё упрямство и наглость могли поспорить с прочностью столичных бастионов.

Госпожа Ван преспокойно пропустила его слова мимо ушей:

— Раз это твой наставник, тебе не составит труда в ближайший же погожий день представить ему нашего Баоюя. Мой сын на редкость умен, чуток к наукам и послушен. К тому же его прежний учитель отбыл на родину, и сейчас мальчик лишь зря тратит время в нашей домашней школе. Было бы чудесно, если бы господин Лин уделил ему толику своего драгоценного внимания.

Глупость госпожи Ван не знала границ. Старая госпожа, хоть и лелеяла ту же надежду, обладала куда большей житейской мудростью. Видя, как решительно Линь Лан уклоняется от темы, она ни за что не решилась бы давить на него напрямую. Шутка ли — Линъюнь-цзы ныне наставляет принцев! Тот, кто взойдёт на престол, сделает его своим первым советником, великим учителем империи. Влияние его безгранично, а поскольку собственных сыновей у него нет, все эти связи и покровительство со временем перейдут к его единственному ученику — Линь Лану. Отношения с внуком следовало беречь как зеницу ока, а глупая невестка лезла напролом, не видя дальше своего носа.

Желая сгладить неловкость, Матриарх поспешно вмешалась:

— Полно тебе, невестка. Наш Баоюй и в семейных классах учится недурно. К тому же у господина Лина сейчас столько забот во дворце, где ему выкроить время для новых учеников? Дитя моё, — обратилась она к Линь Лану, — раз твой учитель столь занят, не хочешь ли ты пока посещать наши занятия в фамильной школе? А как у господина Лина появится свободная минута, ты вернёшься к нему.

Линь Лан был благодарен старой госпоже за то, что та отвела удар, однако сама мысль о посещении их унылой семейной школы вызывала у него глухое раздражение:

— Премного благодарен за вашу доброту, бабушка. Но у моего наставника весьма крутой и ревнивый нрав. Он терпеть не может, когда его ученик перенимает чужие толкования — даже отцу моему не дозволялось вмешиваться в мои занятия. Да и без дела он меня не оставляет: нагружает книгами так, что головы поднять некогда. Вот и сегодня, разгневавшись на мою оплошность, он велел мне за три дня безраздельно переписать всё «Великое учение». Сказал, пока не закончу — и шагу из комнаты не сделаю.

Поняв, что свекровь не поддержит её притязания, да ещё и наслушавшись о строгости столичного мудреца, госпожа Ван мысленно махнула рукой. Ей показалось, что этот Линъюньцзы просто ищет предлог, дабы отвязаться от докучливого мальчишки, а значит, и ловить там нечего. Она поджала губы и замолчала.

Баоюй же, поначалу равнодушно размышлявший о смене учителей, при упоминании о наказании и принудительном переписывании священных свитков пришёл в тихий ужас. Строгие наставники были его главным кошмаром. С трудом скрывая облегчение, он мысленно благодарил небо за то, что бабушка дала госпоже Ван от ворот поворот.

Баоюй никогда не умел скрывать своих чувств, и эта трусливая радость мгновенно отразилась на его лице. Матриарх лишь мысленно вздохнула, сокрушаясь о малодушии любимого внука, а Дайюй горько разочаровалась.

Как бы то ни было, известие о наказании Линь Лана разрядило обстановку, и в комнате зазвучал весёлый смех.

Ван Сифэн, сверкнув глазами, лукаво спросила:

— Ну же, братец, признавайся, чем ты так прогневал почтенного старца, что он обрёк тебя на такое мучение?

Линь Лан притворно смутился и почесал затылок:

— Да ничем особенным... Просто господин Лин в очередной раз изволил остаться недоволен моим почерком, вот и нашёл благовидный предлог, чтобы засадить меня за каллиграфию.

Это признание вызвало новый взрыв хохота. Проведя у постели больного ещё четверть часа в праздной и весёлой беседе, гости начали раскланиваться и разошлись по своим покоям.

Дайюй, однако, не спешила уходить. Улучив минуту, когда они остались наедине, она тихо, но твёрдо произнесла:

— Братец Лан, не тревожься обо мне. Отныне я буду держать себя с братом Бао со всей подобающей строгостью.

Весь этот день, проводя время в играх с кузеном, Дайюй то и дело возвращалась мыслями к предостережениям брата, прозвучавшим накануне вечером. Слова эти ранили её, но заставили взглянуть на привычные вещи другими глазами. Наблюдая за поведением Баоюя, она невольно сравнивала его с рассудительным и волевым Линь Ланом. Сравнение было далеко не в пользу первого. Прежде её не задевала его праздность, но теперь Дайюй отчётливо видела: её кузен, будучи уже почти взрослым юношей, беззаботно проводил дни на женской половине дома, уклонялся от наук и не помышлял о том, как станет утверждать своё имя в подлунном мире, довольствуясь сиюминутными радостями.

Ради чести и доброго имени рода Линь она твердо решила отдалиться от кузена, как бы тяжело ей это ни было. Линь Лан, выслушав сестру, вовсе не выказал бурного восторга; напротив, он лишь удивлённо приподнял бровь:

— К чему такие крайности? Вы живёте под одной крышей, делите трапезы и праздники — как можно вовсе избегать общения?

Дайюй старалась казаться невозмутимой:

— Если нельзя оборвать связи совсем, значит, мы будем видеться лишь изредка и только прилюдно. Тебе нужно отдохнуть, братец, а мне пора возвращаться к себе.

Не дав ему возможности возразить, она повернулась и упорхнула из комнаты. Лан лишь покачал головой. Разумеется, он желал оградить сестру от пагубного влияния Баоюя, но понимал, что юношеский пыл изменчив, а потому не придавал её порыву слишком большого значения.

Хэхуань, убиравшаяся в гостиной за ширмой, невольно подслушала этот разговор. Заметив равнодушие на лице хозяина, она любопытствовала:

— Молодой господин, барышня решила отдалиться от второго молодого господина Бао, отчего же вы не рады?

Линь Лан покосился на неё и вздохнул:

— Чему тут радоваться? Юй-эр сейчас обижена и разочарована его малодушием, но пройдёт неделя-другая, обида утихнет, и всё вернётся на круги своя.

— Что же делать? Если барышня вновь потянется к нему...

— Не стоит тревожиться раньше времени, — отмахнулся Лан. — Путь наш долг, и рано или

поздно её глаза откроются сами. Ступай, я хочу спать.

Служанка поклонилась и тихо удалилась.

Наутро лихорадка действительно отступила. Узнав об этом, Матриарх прислала наказ, освобождающий внука от утренних визитов вежливости, дабы тот мог безмятежно поправлять здоровье в своих покоях.

Наводя порядок в комнате, Хэлэ недовольно проворчала:

— Погляжу я на это хвалёное поместье Цзя — одно хвастовство! Прислали какого-то придворного лекаря, а толку? Наш молодой господин до сих пор подняться с постели не может.

Хэхуань легонько щелкнула её по лбу и шутливо пожурела:

— Глупая твоя голова! Будто сама не знаешь, какое у молодого господина нежное здоровье. Обычный человек после такого дождя на следующий день уже на ногах, а нашему хозяину надобно поберечься несколько дней. А ты сразу заладила — врачи плохие, дом не тот!

— Подумаешь! — надулась Хэлэ. — Просто противно смотреть, как они вчера перед молодым господином так и стелились, стоило им услышать имя учителя Лина!

Услышав, что служанка переходит всякие границы приличия, Линь Лан негромко кашлянул, прерывая девичью болтовню:

— Погляжу я, совсем ты от рук отбилась! Мало того, что судишь о вещах, в которых ничего не смыслишь, так ещё и смеешь непочтительно отзываться о доме моих родственников?!

Поняв по ледяному тону хозяина, что шутки кончились, Хэлэ испуганно склонилась в поклоне:

— Раба Хэлэ виновна, простите мою глупость и дерзость, пощадите!

В этот момент в покои вошла Хэцзя и, окинув девушек строгим взглядом, спросила:

— Что здесь происходит? Хэлэ опять напроказничала?

Хэхуань лишь молча и сокрушённо кивнула.

Линь Лан повернулся к вошедшей старшей служанке:

— Забери её, Хэцзя, и займись её воспитанием. Пусть как следует зазубрит правила вежливости. И лиши её жалованья за этот месяц, дабы впредь думала, прежде чем открывать рот. А после пришли ко мне Хэжу.

Почтительно поклонившись, Хэцзя увела притихшую Хэлэ, отправившись исполнять волю молодого хозяина.

<http://bllate.org/book/18219/1752526>